

Елизарова Наталья Владимировна,
кандидат исторических наук,
ведущий архивист отдела использования и публикации документов,
Исторический архив Омской области,
Омск,
e-mail: elizarova_nv@mail.ru

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАВМА ОМИЧЕЙ: КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ ОБ ОПЫТЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматриваются события Гражданской войны 1918 – 1922 гг. как социально-культурный феномен коллективной памяти на примере Омского региона. Раскрывается понятие исторической травмы, показываются механизмы ее отражения в коллективной памяти. Анализируется влияние некоторых исторических деятелей (адмирала А. В. Колчака, архиепископа Сильвестра), ставших своеобразными символами трагической эпохи, на формирование коллективной исторической травмы.

Ключевые слова: Гражданская война, А. В. Колчак, архиепископ Сильвестр (Ольшевский), историческая память, коллективная память, травма, Западная Сибирь, Омск.

Elizarova Natalia Vladimirovna,
Candidate of History, Leading Archivist,
department of use and publication of documents,
Historical archive of the Omsk region,
Omsk,
e-mail: elizarova_nv@mail.ru

HISTORICAL INJURY OF OMSK RESIDENTS: RUSSIAN CIVIL WAR EXPERIENCE COLLECTIVE MEMORY

The article describes Russian Civil War 1918 – 1922 events as a socio-cultural phenomenon of collective memory on the example of the Omsk region. The concept of historical injury is revealed, the mechanisms of its reflection in collective memory are shown. The article analyzes the influence of some historical figures (Admiral Kolchak, Archbishop Sylvester), who have become peculiar symbols of the tragic era, on the formation of collective historical injury.

Keywords: Civil War, A. V. Kolchak, Archbishop Sylvester (Olshevsky), historical memory, collective memory, injury, Western Siberia, Omsk.

Государства и общества, переживающие радикальные исторические трансформации (такие, как мировые и гражданские войны, революции, масштабные природные катаклизмы, эпидемии, техногенные катастрофы, крупные террористические акты и др.) получают тяжелый травматический опыт, заставляющий их испытывать страдания не только в момент причинения травмы, но и на протяжении длительного времени.

Говоря языком психологии, травма – это вред, который нанесен психическому здоровью человека в результате неблагоприятного воздействия окружающей среды. Впервые об этом феномене заговорил австрийский ученый-психоаналитик З. Фрейд, обративший внимание на то, что люди, пережившие Первую мировую войну, имеют схожие психологические проблемы и во многом типичные жизненные истории. Это наблюдение позволило ему сделать вывод: наряду с коллективной памятью имеет место и коллективная травма.

Американский профессор Д. Александер, изучая последствия коллективной травмы, выяснил, что она меняет и коллективную идентичность: «Культурная травма имеет место, когда члены некоего сообщества чувствуют, что их заставили пережить какое-либо ужасающее событие, которое оставляет неизгладимые следы в их групповом сознании, навсегда отпечатывается в их памяти и коренным и необратимым образом изменяет их будущую идентичность» [1, с. 6]. При этом не каждое историческое событие становится травмой, а только то, которое резко и внезапно затрагивает все сферы общественной жизни, становится своеобразным рубежом, разделяющим жизнь на «до» этого события и «после» него.

На основании анализа трудов исследователей, принадлежащих к различным областям знания (истории, социологии, психологии, антропологии), можно установить, что понятия «коллективная травма» и «историческая травма» по многим признакам идентичны и тесно связаны с концептом «коллективная память», поэтому в настоящей статье мы будем использовать обобщенное понятие «коллективная историческая травма». Оно, на наш взгляд, точнее выражает это явление.

Изучая события Гражданской войны на территории Омска, следует признать, что жителями региона в конце 10-х – начале 20-х гг. XX в. был получен тяжелый травмирующий опыт, разделивший жизнь на «до» и «после» и вызвавший продолжительную коллективную травму, которую они не изжили даже спустя 100 лет после произошедшего. Казалось бы, не осталось в живых ни одного участника, свидетеля или очевидца драматических событий, связанных с Гражданской войной, однако пережитые страдания не изгладились из коллективной памяти и до сих пор будоражат умы уже, по сути, далеких потомков.

Наиболее ожесточенные споры, свидетельствующие о том, что травма не изжита, разгораются, когда заходит речь об установке памятника

А. В. Колчаку. Одна часть горожан считает его кровавым диктатором, а другая – героем, благородным рыцарем белого движения. Согласно результатам социологического опроса, проведенного в 2012 г. ООО «ГЭПИЦентр-2» (Центр гуманитарных, социально-экономических и политических исследований – 2), 54,4% жителей города высказались «за» установку памятника, «против» – 28,7%, 16,8% – затруднились ответить¹.

Приведем некоторые обезличенные высказывания сторонников установки памятника и его противников. Говоря о том, что Омску памятник Колчака категорически не нужен, респонденты указывали на неоднозначность и одиозность личности Верховного правителя белой России, который проводил карательную политику среди гражданского населения, являлся ответственным за массовые казни, находился в сговоре с интервентами, участвовал в разграблении казны и т. д.; до сих пор не реабилитирован судом и прокуратурой по закону о жертвах политических репрессий. Кроме того, отмечалось и негативное отношение общества к лидеру белого движения. Полагаем, оно бы усугубилось еще более вследствие установки монумента и привело к окончательному расколу в обществе. Сторонники увековечивания памяти адмирала свидетельствовали, в первую очередь, о заслугах А. В. Колчака перед Россией (ученый, географ, флотоводец, полярный исследователь), о том, что его личность – это часть истории, и какой бы болезненной она ни была, ее надо принять и примириться с нею. Одной из таких первых попыток принятия истории стала установка в начале 2000-х гг. мемориальной доски на особняке Батюшкиных (ныне – Центр изучения истории Гражданской войны), где в годы Гражданской войны находилась личная резиденция Верховного правителя. К слову, время от времени эта табличка подвергается актам вандализма, что тоже является проявлением исторической травмы.

Итак, почему личность не только давно сошедшего с политической арены, но и ушедшего из жизни адмирала вызывает такое ожесточение у сограждан? Это объясняется механизмами проявления исторической коллективной травмы. Историческая травма – это коллективный феномен, предполагающий нанесение обществу болезненной раны. Данный процесс имеет две составляющие – жертву и ответственного за травму. В силу разных обстоятельств именно за Колчаком закрепилась моральная ответственность за жертвы, которые породил его режим. Подтверждая этот тезис, американский генерал У. С. Гревс, командовавший во время Гражданской войны американскими силами на Дальнем Востоке и в Сибири, вспоминал: «В Восточной Сибири совершались ужасные убийства, но совершались они не большевиками, как это обычно думали. Я не ошибусь, если скажу,

¹ Пантелеев А. За установку памятника Колчаку высказались 54% горожан, но при этом его путают с основателем Омска и покорителем Сибири // Коммерческие вести. – 2002. – 5 сент.

что в Восточной Сибири на каждого человека, убитого большевиками, приходилось сто человек, убитых антибольшевистскими элементами, <...> количество большевиков в Сибири ко времени Колчака увеличилось во много раз в сравнении с количеством их к моменту нашего прихода» [2, с. 39].

При этом необходимо учитывать, что судьба отдельного человека, жившего в годы Гражданской войны, оказалась также встроеной в исторический процесс и претерпевала те же трансформации, что выпадали на долю страны. Травматической была обычная жизнь в годы Гражданской войны: убийства людей, разгул криминальных элементов (спекуляция, воровство и т. п.), нехватка продовольствия, потоки беженцев, безработица, голод, разразившиеся эпидемии тифа, холеры и дизентерии вызывали чувство паники, ужаса, бессмысленности существования. Для того, чтобы выжить, люди совершали поступки, которые они никогда бы не совершили в нормальной жизни и которые впоследствии не только тщательно скрывали от окружающих, но также избегали мучительных воспоминаний о них даже наедине с собой. По мнению известного российского ученого-литературоведа И. В. Кукулина, «умолчание оказывает скрытое воздействие на российскую культуру, порождает отложенные эффекты «постпамяти», когда неврозы передаются от родителей к детям на протяжении нескольких поколений» [3].

Болезненный травматизм коллективной памяти омичей проявляется и тогда, когда речь заходит об архиепископе Омском и Павлодарском Сильвестре (Ольшевском) и ставится под сомнение достоверность его мученической кончины, развиваются циничные рассуждения о том, достаточно ли архипастырь натерпелся физических истязаний для того, чтобы стать мучеником церкви. «Тема канонизации российских новомучеников, на наш взгляд, – сугубо церковный вопрос. Однако в силу разных обстоятельств он оказался включенным в контекст политического и идеологического противостояния, связанного с переосмыслением трагических событий, пережитых нашей страной в XX в., поэтому личностный опыт новомучеников, осуществивших выбор своего жизненного пути в условиях государственных репрессий, зачастую оценивается людьми светскими, далекими от Церкви и от веры. Скрупулезный и объективный научный анализ истории Церкви безусловно нужен, но он не должен переходить в идеологическую и политическую плоскость, что уже само по себе будет откатом назад, в советское атеистическое прошлое» [4, с. 122]. В данном контексте уместно также вспомнить позицию В. Ключевского, который подчеркивал, что исследователь не должен ставить перед собой задачи быть судьей времени: «Историк – наблюдатель, а не следователь»¹.

¹ Ключевский В. О. Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. – М., 1993. – С. 30.

Способами реагирования на травму является адаптация к ней или ее игнорирование. Используя психологическую методику преодоления травмы – проговаривание, в процессе которого происходит переосмысление и преодоление разрушительных последствий травмирующего опыта, можно сделать вывод, что исследовательские работы на соответствующую тему, организация научно-практических конференций, создание аудиовизуальной продукции (документальных, художественных фильмов, радиопередач и т. п.) также представляют собой стратегию преодоления коллективной травмы. Это достигается благодаря тому, что они способны придать исторический смысл событиям прошлого, имеющим травмирующий характер, и тем самым позволить абстрагироваться от болезненной проблемы, взглянуть на нее отстраненным взглядом, переосмыслить их с максимально нейтральной и объективной точки зрения. Указанные предпосылки дают возможность сместить центр тяжести с сильнейших переживаний, вызванных травмой, и увидеть закономерности исторического процесса, избавиться от навязчивого повторения травмирующих эмоций в коллективном сознании. Так травма может постепенно утихнуть, а общество получит возможность принять свое прошлое и двигаться дальше.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Александер Д. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. – 2012. – №3. – С. 6 – 40.
2. Бокарев В. В. Причины победы красных в годы Гражданской войны и интервенции в России // Актуальные исследования: Международный научный журнал. – Белгород, 2020. – №3 (6). – С. 37–42. URL: <https://apni.ru/article/346-prichini-pobedi-krasnikh-v-godi-grazhdanskoj> (дата обращения: 27.07.2021 г.).
3. Кукулин И. В. Историческая травма как культурное явление // Постнаука. URL: <https://postnauka.ru/faq/26580> (дата обращения: 27.07.2021 г.).
4. Елизарова Н. В. Канонизация российских новомучеников и проблема интерпретации исторических источников (на примере архивных документов об архиепископе Омском и Павлодарском Сильвестре // Вестник Омской православной духовной семинарии: Научный журнал. – Омск, 2020. – №1 (8). – С. 121 – 136.